

8 p1
K-65

1812-1912.

Копосов В А

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ГОНЧАРОВЪ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА,

СОСТАВЛЕННЫЙ

членомъ Симбир. Учен. Арх. Комиссіи

В. А. КОПОСОВЫМЪ.

Изданіе Симбирской Ученой Архивной Комиссіи.

ЦѢНА 50 КОП.

СИМБИРСКЪ.

Губернская Типо-литографія.

1912.

4E

98.8
K-55

8P1
K65

Иванъ Александровичъ

ГОНЧАРОВЪ

1812—1912.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА,

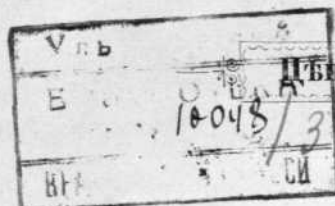
составленный

членомъ Симб. Учен. Арх. Комиссіи

В. А. Колосовымъ.

БИБЛИОТЕКА
УЛЬЯНОВСКОГО
ДВОРЦА КНИГ
ИМ. ЛЕНИНА

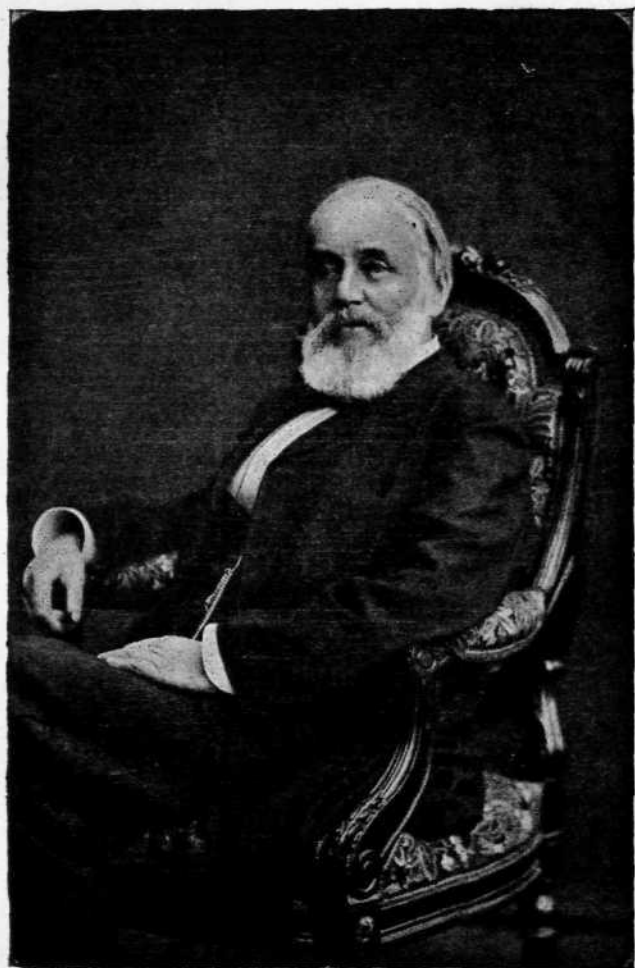
Изданіе Симбирской Ученой Архивной Комиссіи.



Цена 50 коп.

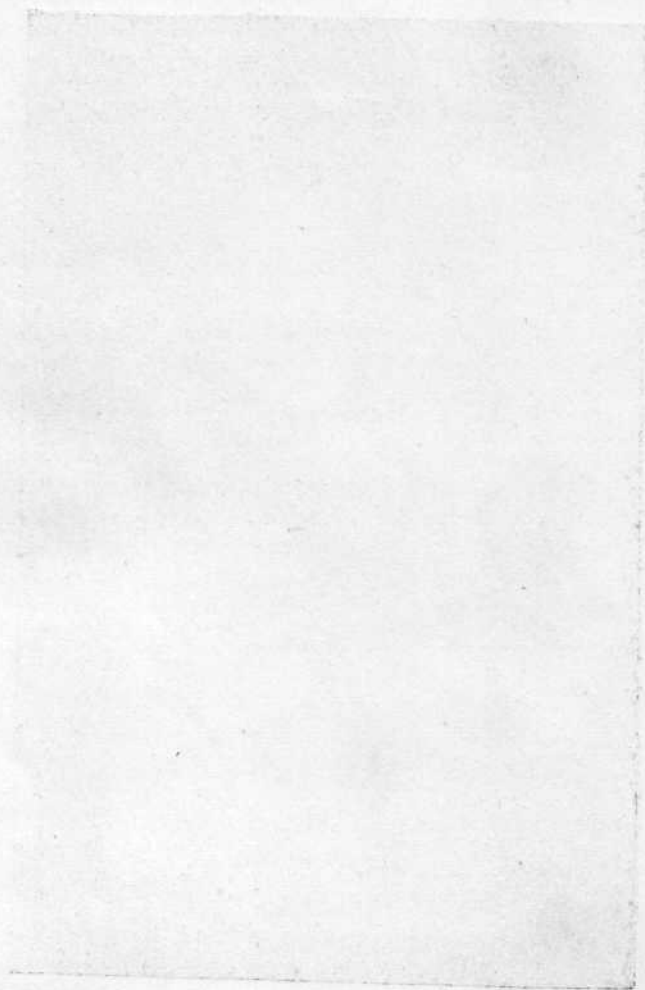
УЛЬЯНОВСКИЙ
ДВОРЕЦЪ КН
ИМ. ЛЕНИНА

СИМБИРСКЪ.
Типо-Литографія Губернск. Правленія.
1912.



Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

(Родился 6 іюня 1812 г. Умеръ 15 сент. 1891 г.).



THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

Предисловіе.

Въ одномъ изъ стихотвореній 50-хъ годовъ прошлаго вѣка говорится о дарѣ человѣческаго слова, какъ о чудѣ изъ Божьихъ чудесъ, свѣтильникъ мысли, знамени человечества.

Одно древнее изрѣченіе такъ опредѣляетъ значеніе книгъ: «слова книжныя суть рѣки многоводныя, напоющія вселенную».

Какъ живительная влага водъ необходима для всего живого на землѣ, такъ книжная мудрость, являющаяся въ красотѣ художественнаго слова, составляетъ насущную пищу для души человѣка, образуя и просвѣтляя его умъ, воспитывая, совершенствуя и преобразая его чувство, укрѣпляя и окрыляя его волю.

Вотъ, почему подобно древнимъ пророкамъ, лучшіе наши писатели пользуются подобающимъ имъ значеніемъ и почтеніемъ.

Къ яркимъ свѣтильникамъ русской литературы принадлежитъ И. А. Гончаровъ на ряду съ тремя великими своими современниками и собратьями по перу: И. С. Тургеневымъ, Ф. М. Достоевскимъ и Л. Н. Толстымъ. (По времени рожденія онъ былъ старшимъ изъ нихъ).

Симбирской губерніи и ея сравнительно молодому губернскому городу Симбирску особенно посчастливилось передъ другими гораздо болѣе древними и большими русскими городами и губерніями тѣмъ, что нашъ Симбирскій край въ числѣ своихъ уроженцевъ насчитываетъ много высоко-даровитыхъ поэтовъ и писателей, родившихся въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Кромѣ Гончарова Симбирскими уроженцами были: Дмитріевъ, Карамзинъ, Языковъ, Минаевъ и другіе.

Въ этомъ яркомъ и многочисленномъ созвѣздіи особенно даровитыхъ Симбирянъ литературный талантъ И. А. Гончарова блистаетъ немеркнувшей звѣздой 1-й величины.

Симбирская Ученая Архивная Комиссія, по случаю исполняющейся теперь столѣтней годовщины рожденія И. А. Гончарова, достойнымъ образомъ увѣковѣчиваетъ его память сооруженіемъ Гончаровскаго Дома, посвящаемаго просвѣтительнымъ и художественно-образовательнымъ общенароднымъ нуждамъ.

Ивану Александровичу Гончарову, великому русскому писателю слава!
Его родинѣ, городу Симбирску слава! Его отечеству, Руси великой слава!



Родители И. А. Гончарова и первые годы его жизни.

6-е июня 1812 года было счастливым днемъ для Россіи: въ этотъ день, въ городѣ Симбирскѣ родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ, ставшій однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ писателей прошлаго, золотого вѣка русской литературы, внесшій въ ея прекрасную и великую сокровищницу драгоценныя и въ своемъ родѣ единственныя творенія.

Отцомъ его былъ почтенный, ведшій довольно крупную торговлю хлѣбомъ, Симбирскій купецъ Александръ Ивановичъ Гончаровъ, а матерью — Евдокія Матвѣевна, изъ роду Шахториныхъ.

Дѣдъ же его по отцу принадлежалъ больше къ служилому дворянству, нежели къ купечеству.

Достоверныя свѣденія о родѣ Симбирскихъ Гончаровыхъ не восходятъ дальше второй четверти XVIII столѣтія и заключаются въ хранящемся въ музеѣ Симбирской Ученой Архивной Комиссіи „Лѣтописецъ“, начатомъ дѣдомъ нашего писателя Иваномъ Ивановичемъ Гончаровымъ въ 1732 году. Большую часть этого „Лѣтописца“ занимаютъ впрочемъ „книга, глаголемая о вольной страсти и о распятіи на крестѣ и о тридневномъ воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа“ и другіе религіознаго содержанія списки.

Подъ 1742 годомъ этого „Лѣтописца“ значится слѣдующая записъ: „пожалованъ я изъ полковыхъ писарей въ аудиторы 1738 г. іюня 28 дня, а изъ аудиторовъ въ поручики 1742 г. марта 18 дня“; въ 1745 И. И. Гончаровъ произведенъ въ капитаны. Въ 1754 году родился отецъ писателя Александръ Ивановичъ и въ 1804 г., будучи уже вдовцомъ, женился на матери писателя Евдокіи Матвѣевнѣ. — Изъ содержанія записей „Лѣтописца“ видно, что дѣдъ его былъ человѣкъ религіозный, начитанный въ церковной литературѣ и также интересовавшійся общественной жизнью и явленіями природы.

Отец писателя пользовался особымъ уваженіемъ и довѣріемъ своихъ согражданъ, избиравшихъ его неоднократно на самую почетную и высшую, общественную, городскую должность—въ городскіе головы. Подобно своему отцу, онъ также былъ благочестивъ и за свою особенную религіозность прослылъ даже „старовѣромъ“. (Естественно, что писатель И. А. Гончаровъ, получивъ въ дѣтствѣ достаточно религіозное воспитаніе, былъ и остался на всю жизнь религіознымъ). Умеръ Александръ Ивановичъ 10-го сентября 1819 года.

Хотя уже 7 лѣтнимъ ребенкомъ Иванъ Александровичъ лишился своего отца, но условія жизни первыхъ годовъ дѣтства, отрочества и юности были необыкновенно благопріятны для всесторонняго роста его души и надлежащаго разцвѣта ея богатыхъ природныхъ задатковъ.

Сама природа должна была уже благотно дѣйствовать на художественно впечатлительную его душу своими красотами, которыми такъ богатъ Симбирскъ и его ближайшія окрестности на правомъ берегу Волги матушки широкой. (А „художникъ чувствуетъ на всемъ прекраснаго тѣнь“).

Условія цѣльнаго, прочно устоявагося быта, относительно простого, внутренне осѣдлаго уклада жизни зажиточной семьи при привольномъ довольствѣ, но безъ лишнихъ затѣй въ мирномъ, спокойномъ, тогда небольшомъ, просторно раскинувшемся, богатомъ растительностью городѣ, благопріятствовали спокойному, бодрому и стройному росту тѣла и духа Ивана Александровича; вообще родное Поволжье было во всѣхъ отношеніяхъ здоровой почвой для него.

Вотъ, какъ описываетъ онъ тогдашній Симбирскъ съ наиболѣе близкими писателю окрестностями.

Онъ вспоминаетъ свой городъ „домики съ остроконечными крышами, палисаднички, голубятники, домики—фонарики, этотъ весь спрятался въ зелени; тотъ обернулся на улицу задомъ, а тутъ на двѣ версты тянется заборъ, изъ за котораго выглядываютъ съ деревьевъ румяныя яблоки,—искушеніе мальчишекъ..... Присутственныя мѣста—такъ и видно, что присутственныя: близко безъ надобности никто не подходитъ.... А пройдеши тамъ, въ городѣ, двѣ—три улицы, ужъ и чувствуешь вольный воздухъ; начинаются плетни, за ними огороды, а тамъ и чистое поле съ яровымъ. А тишина, а неподвижность, а скука и на улицѣ и въ людяхъ тотъ же благодатный застой! И всѣ живутъ вольно, на распашку, никому не тѣсно; даже куры и пѣтухи свободно расхаживаютъ по улицамъ, козы и коровы щиплютъ траву, ребятки пускаютъ змѣй“.

Близьгородное же имѣніе, (быть можетъ, Киндяковка), въ которомъ и въ дѣтствѣ и въ зрѣлыхъ годахъ И. А. много проводилъ времени, онъ описываетъ такъ: „Какой эдемъ раскинулся въ этомъ уголкѣ, откуда увезли его въ дѣтствѣ и гдѣ потомъ гостилъ онъ мальчикомъ въ лѣтніе каникулы. Какіе виды кругомъ—каждое окно въ домѣ было рамою своей особенной картины! Съ одной стороны Волга съ крутыми берегами и заволжьемъ; съ другой—широкія поля обработанныя и пустые овраги, и все это замыкалось далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны видны села, деревни и часть города. Воздухъ свѣжій прохладный, отъ котораго какъ отъ лѣтняго купанья, пробѣгаетъ по тѣлу дрожь бодрости“. Въ этомъ эдемѣ, какъ и въ городекой усадьбѣ Гончаровыхъ на первомъ планѣ—хозяйство, куры, повара, дворня, баловство, которое охватываетъ юношей какъ паромъ, нѣгой внимательности и ухода.

Горячо любящая своего сына, но при этомъ разумно строгая и дѣловитая мать Авдотья Матвѣевна была его превосходной воспитательницей въ первые годы его жизни, давшая ребенку совершенно достаточно благотворной, спасительной теплоты материнской любви и съ самаго нѣжнаго возраста вселившая въ него прочные задатки правильного, упорядоченнаго душевнаго строя.

И при жизни отца домъ руководился главнымъ образомъ его матерью и благодаря ей въ немъ царила любовь и вмѣстѣ съ нею господствовалъ строгій порядокъ, не допускающій развращающей лѣни и исключавшій всякую распушенность.

Любовь ея къ дѣтямъ, хозяйственная дѣловитость, строгая требовательность къ чадамъ и домочадцамъ такъ описана въ его воспоминаніяхъ. „Мать любила насъ не тою сантиментальною (слащаво-чрезмѣрною) животною любовью, которая изливается въ горячихъ ласкахъ, въ слабомъ потворствѣ и угодливости дѣтскимъ капризамъ и которая портитъ дѣтей. Она умно любила, слѣдя неослабно за каждымъ нашимъ шагомъ и съ строгою справедливостью распредѣляла поровну свою любовь между всѣми нами четырьмя дѣтьми. Она была взыскательна и не пропускала безъ замѣчанія или наказанія ни одной шалости, особенно, если въ шалости крылось зерно будущаго порока. Она была не умолима—и дѣтямъ, вѣроятно доставалось-бы строго и часто, если-бы тутъ подъ рукой они не нашли себѣ защитника (крестнаго отца, Н. Н. Трегубова, о которомъ ниже)“.

„Домъ у насъ—пишетъ И. А. о своемъ родномъ гнѣздѣ—былъ, что

называется полная чаша. Большой дворъ, даже два двора со многими постройками: людскими, конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичниками и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки—все это населяло оба двора (мѣсто и усадьба, занимаемая Гончаровыми выходила на три городскія улицы). „Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизіи для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ цѣлое имѣніе—деревня, помѣщенная въ самомъ центрѣ губернскаго города“.

Хотя И. А. Г. родился въ семьѣ кушца, но образованіе получилъ тщательно, дворянское, главнымъ образомъ благодаря поселившемуся въ ихъ домъ отставному моряку, дворянину Н. Н. Трегубову, имѣвшему въ свою очередь очень благое вліяніе на воспитаніе своего крестника, которому онъ не только замѣнилъ родного отца, но по словамъ И. А. „превосходилъ“.

Поэтому мы остановимся нѣсколько долѣе на этой интересной личности, пользуясь воспоминаніями нашего писателя, въ которыхъ Н. Н. Трегубовъ выставленъ подъ именемъ Якубова.

По воспоминаніямъ И. А. Г.—а, отставной морской офицеръ Якубовъ (его крестный отецъ Н. Н. Трегубовъ), сроднившійся съ семьей Гончаровыхъ, былъ очень просвѣщенный, очень почтенный и уважаемый человѣкъ, какъ въ городѣ, такъ и вообще въ симбирскомъ дворянскомъ кругу. Свое хорошее образованіе, пріобрѣтенное въ морскомъ корпусѣ, онъ постоянно пополнялъ усерднымъ чтеніемъ по всемъ почти отраслямъ научнаго знанія и много тратилъ денегъ на выписку изъ столицъ книгъ и журналовъ.

Этотъ „добрый морякъ“—говоритъ И. А. окружилъ себя нами, принялъ насъ подъ свое крыло, а мы привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія.

Дѣтей онъ очень любилъ и баловалъ. Бывало—разсказываетъ далѣе Гончаровъ—нашалишь что нибудь: влѣзешь на крышу, на дерево, увяжешься съ уличными мальчишками въ сосѣдній садъ или съ братомъ заберешься на колокольню—мать узнаетъ и пошлетъ человѣка привести къ себѣ. Вотъ тутъ-то и спасаешься въ флигель, къ крестному. Со мною ежедневно катаясь по городу для воздуха, заѣзжалъ еще въ разные лавки и покупалъ также сластей, игрушекъ и всякихъ пустяковъ, нужды нѣтъ, что дома всего этого было вдоволь“.

„Въ дворѣ у него, кромѣ кучера, повара и двухъ-трехъ лакеевъ

съ семействами были столяры, портные и сапожники. Онъ отпускалъ ихъ по городу на оброкъ, не справляясь, гдѣ и какъ они живутъ, что зарабатываютъ. Онъ не получалъ съ нихъ ни гроша, и только когда понадобятся ему сапоги, онъ велитъ своему сапожнику сшить, заплативъ за товаръ. Понадобится починка или заказъ новой мебели—тоже самое“.

По мѣрѣ того, какъ Якубовъ старѣлъ, а я приходилъ въ возрастъ между мной и имъ установилась съ одной стороны передача, а съ моей восприимчивость его познаній. Онъ познакомилъ меня съ картой звѣднаго неба, наглядно объяснял движеніе планетъ, вращеніе земли, рассказывалъ про путешествія всѣхъ кругосвѣтныхъ плавателей съ Кука до послѣднихъ временъ“...

И. А. Гончаровъ былъ ребенокъ зоркій, наблюдательный, очень любознательный, рано научившійся грамотѣ у своего крестнаго.

„У кумушки моей, рассказываетъ Якубовъ, была четверка дѣтей; мы раздѣлили ихъ поровну; ей парочку дѣвчатъ, мнѣ пару ребятъ. Съ пеленъ я принималъ ихъ на себя и самъ училъ грамотѣ. Коля и Ваня были умные дѣтки, съ головой.

Ваня (И. А.) мальчикъ живой, огонь. Бывало, какъ начнешь рассказывать что нибудь изъ моихъ скитаній побѣду свѣту, такъ онъ, кажется, въ глаза готовъ выпрыгнуть, такъ внимательно все слушаетъ, да еще надоѣдаетъ: крестный скажи еще. Такъ, бывало и пройдетъ весь день съ нимъ въ болтовнѣ. Лѣтъ шести, вѣрно, я выучилъ его грамотѣ, а ужъ и не радъ, какъ онъ началъ читать! Вообразите... Такой-то клопикъ заползетъ ко мнѣ въ бібліотеку и торчитъ самъ до тѣхъ поръ, пока насильно его вытаскать ѣсть или пить. Бывало, пойдешь полюбопытствовать, не заснулъ ли тамъ мой сыночекъ—куда-съ!... Заглянешь въ книжку къ нему, точить какое нибудь путешествіе! и тутъ же начнетъ лепетать: живо расскажетъ, что ему особенно понравилось. Больше всего любилъ онъ морскія путешествія; объ нихъ онъ всегда азартно мнѣ рассказывалъ. Бывало, восторженный бѣжить съ Волги и кричить съ улицы: «крестный я море видѣлъ. Ахъ какая тамъ большая свѣтлая вода прыгаетъ на солнцѣ»!..

Особенно благопріятны для И. А. были и условія его первоначальнаго образованія и именно тѣмъ, что выучившись дома грамотѣ, онъ былъ помещенъ не въ казенное учебное заведеніе, а въ частный пансіонъ, недалеко отъ Симбирска для мѣстныхъ дворянъ устроенный въ имѣніи княгини Хованской двумя просвѣщенными любителями-педагогами: получившимъ выс-

шее академическое образованіе однимъ священникомъ и его женой — нѣмкой, хорошо знавшей нѣмецкій и французскій языки. Уже крестнымъ отцомъ отмѣченная любознательность и страсть къ чтенію Ивана Александровича здѣсь болѣе правильно удовлетворялась и направлялась опытными педагогами. По ихъ выбору онъ читалъ здѣсь сочиненія: Ломоносова, Карамзина, Державина, Тасса. Дома же попадались ему подъ руку и «Саксонскій разбойникъ» и сказки «Бова королевичъ и Ерусланъ Лазаревичъ».

10-ти лѣтъ отъ роду И. А. для продолженія своего образованія былъ помѣщенъ въ Московское коммерческое училище и по домашнимъ обстоятельствамъ 1830 года до полного окончанія курса былъ взятъ изъ него матерью. Кромѣ образовательныхъ наукъ въ этомъ училищѣ, онъ получилъ достаточныя знанія французскаго и нѣмецкаго языка и отчасти латинскаго и англійскаго.

Университетскіе годы.

Черезъ годъ послѣ выхода изъ Коммерческаго училища въ 1831 году И. А. Гончаровъ поступаетъ въ университетъ.

Вотъ какъ тогдашніе студенты относились къ университету, а общество къ нему и студентамъ.

„Мы юноши, пишетъ И. А., полвѣка тому назадъ смотрѣли на университетъ, какъ на святилище, и вступали въ него со страхомъ и трепетомъ.

Нашъ университетъ въ Москвѣ былъ святилищемъ не для однихъ насъ учащихся, но и для ихъ семействъ и для всего общества. Образованіе, вынесенное изъ университета, цѣнилось выше всякаго другого. Москва гордилась своимъ университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ, самыхъ полезныхъ, можетъ быть громкихъ, блестящихъ дѣятелей общества. Студенты гордились своимъ званіемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важно расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками.

Эти симпатіи вливали много тепла и свѣта въ жизнь университетскаго юношества. Духъ юноши поднимался; онъ расцвѣталъ подъ лучами свободы, падшими на него послѣ школьной или домашней педагогической неволи“.

Гончаровъ пріятно и искренно сознавалъ себя членомъ маленькой ученой республики, надъ которой простиралось вѣчно — ясное небо безъ тучъ, безъ грозъ и безъ внутреннихъ потрясеній, безъ всякихъ исторій, кромѣ всеобщей и россійской, преподаваемыхъ съ кафедръ.

Гончаровъ былъ образцовымъ, благовоспитаннымъ, прилежнымъ студентомъ, много читавшимъ и учившимся. Ни особенной восторженности, ни бурныхъ порывовъ, свойственныхъ и тогдашнему университетскому юношеству, хотя и въ очень малой мѣрѣ сравнительно съ нашимъ временемъ, онъ не переживалъ.

Говоря о времени студенчества И. А. Гончарова нельзя не сказать и о томъ, какое огромное и благотворное вліяніе имѣлъ на него старѣйшій его современникъ, одинъ изъ двухъ гениальныхъ учителей—основателей золотого вѣка нашей литературы—А. С. Пушкинъ. (Другой былъ Гоголь и къ обоимъ вмѣстѣ взятымъ ближе всѣхъ по характеру творчества примыкалъ въ зрѣломъ возрастѣ самъ И. А. Г.).

Трогательно благовѣйное отношеніе Гончарова къ Пушкину, что видно изъ слѣдующей части воспоминаній, относящихся къ посѣщенію великаго поэта аудиторіи университета, въ которой въ числѣ другихъ слушателей находился И. А. „Для меня (при появленіи Пушкина въ аудиторіи) точно солнце озарило всю аудиторію; я въ то время былъ въ чадѣ обаянія отъ его поэзій; я питался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня какъ дождь падали строфы его созданій (Евгенія Онѣгина, Полтавы и др.). Его гению—я и всѣ тогдашніе юноши увлекавшіеся поэзіей, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе. Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви и не спускалъ съ него глазъ.

Пушкинъ былъ въ то время для молодежи все. Всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, честнѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него“.

По окончаніи полнаго университетскаго курса И. А. въ 1834 г. пріѣхалъ на свою родину, въ Симбирскъ.

„По пріѣздѣ домой—пишетъ онъ—меня обдало той-же „обломовщиной“, какую я наблюдалъ въ дѣтствѣ. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Тѣже большею частью деревянныя, посѣрѣвшіе отъ времени дома и домишки, съ мезонинами, съ садиками, иногда съ колонками, окруженныя канавками, густо заросшіе полынью и крапивой, безконечныя заборы; тѣже деревянные тротуары съ недостающими досками, таже пустота и безмолвіе на улицахъ. Такъ и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными сто-

рами на сонныя фізіономіи сидящихъ людей. „Намъ нечего дѣлать“, зѣвая думаетъ, кажется, „всякое изъ этихъ лицъ“, глядя лѣниво на васъ: „мы не торопимся, живемъ —хлѣбъ жуемъ, да небо коптимъ“.

О томъ, какъ ему жилось тогда на родинѣ Гончаровъ говорить. „Меня охватило какъ паромъ домашнее баловство. Послѣ долгой разлуки я на первыхъ порахъ весь отдался сладкой нѣгѣ ухода, внимательности. Домашніе не даютъ пожелать чего нибудь; все давно готово, предусмотрено. Кромѣ семьи старые слуги съ нянькой во главѣ смотрять въ глаза, припоминають мои вкусы привычки. Всѣ не наглядятся на меня.“

Привольно жилось тогда въ Симбирскѣ тому кругу дворянства, въ который какъ свой человѣкъ, вошелъ И. А. Здѣсь онъ пользовался самымъ радушнымъ и широкимъ гостепріимствомъ, пышно разцвѣтшимъ на почвѣ дарового труда. Бесѣдовалъ онъ здѣсь и съ людьми, лично знавшими Н. М. Карамзина и гордившимися тѣмъ, что знаменитый сочинитель „Исторіи государства Россійскаго“ тоже Симбирскій уроженецъ и мѣстный помѣщикъ. Веселился онъ и на балахъ, ведя свѣтскую жизнь.

Первоначальная служба.

Въ Симбирскѣ же онъ и началъ служить, хотя и ненадолго опредѣлившись чиновникомъ особыхъ порученій при Симбирскомъ Губернаторѣ, выводимомъ въ воспоминаніяхъ Гончарова подъ фамиліей Углицкаго, умнаго, достаточно просвѣщеннаго человѣка, добродушнаго прожигателя жизни не безъ благихъ при томъ намѣреній, пробовавшаго даже искоренять вообще почти всеобщее зло тогдашняго чиновничества—взяточничество, и не безъ слабостей.

Но скоро, въ 1835 г. Углицкій былъ отозванъ въ Петербургъ; съ нимъ же уѣхалъ туда изъ Симбирска и Иванъ Александровичъ, навсегда разставшись безъ особаго сожалѣнія съ роднымъ гнѣздомъ, но съ глубокою и прочною къ нему любовью.

Какъ хорошо знающій иностранные языки, въ Петербургѣ Гончаровъ поступилъ на службу переводчикомъ въ департаментъ внѣшней торговли, и скоро сталъ столоначальникомъ.

И для него началась ровная, плавная, правильная, спокойная жизнь, прерванная только въ 1852 году его кругосвѣтнымъ плаваніемъ.

Въ Петербургѣ онъ ближе всего сошелся съ высокообразованной, талантливой семьей Майковыхъ.

Въ свободное отъ службы время онъ занимался переводами изъ лучшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ писателей.

„Обыкновенная исторія“.

Гончарову исполнилось уже 35 лѣтъ, когда онъ, послѣ многолѣтняго, усерднаго труда приготовилъ для печати свой большой романъ, предварительно переписавши его нѣсколько разъ, — „Обыкновенную исторію.“

„Обыкновенная исторія“ появилась въ журналѣ „Современникъ“ въ 1847 году и сразу поставила автора въ первый рядъ съ лучшими писателями.

Прежде чѣмъ коснемся содержанія этого романа скажемъ, что въ немъ, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ Гончарова находится весьма много относящагося непосредственно къ внутренней и вѣшней жизни самого писателя...

„Когда я писалъ „Обыкновенную исторію“ я, конечно, имѣлъ въ виду себя и многихъ, подобно мнѣ учившихся дома или въ университетѣ, жившихъ по затіишьямъ подъ крыломъ добрыхъ матерей и потомъ отрывавшихся отъ нѣги, отъ домашняго очага со слезами и являвшихся на главную арену дѣятельности, въ Петербургъ“.

Его отношеніе къ своимъ произведеніямъ онъ позднѣе опредѣлилъ слѣдующими словами.

„То, что не выросло, не созрѣло во мнѣ самомъ, что я не видѣлъ, не наблюдалъ, — то недоступно моему перу! У меня есть своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній; я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ, словомъ писалъ и свою жизнь и то, что къ ней приростало“.

Главные дѣйствующія лица „Обыкновенной исторіи“ два Адуевы: племянникъ и дядя. Александръ Адуевъ, единственный сынъ горячо любящей его матери, помѣщицы средней руки, рано окончившій высшее образованіе, молодой мечтатель, является въ столицу съ неясными, но возвышенными мечтами о гражданскихъ подвигахъ, о благѣ человѣчества. Онъ влюбленъ въ луну, въ стихи Пушкина и Шиллера, свято вѣруетъ въ вѣчную дружбу и любовь, безкорыстіе людей.

Онъ прямо пріѣзжаетъ къ дядѣ, уже крупному петербургскому чинов-

нику. Дядя Адуевъ, человѣкъ умный, образованный, не чуждый въ скромной мѣрѣ свободомыслия, уважающій европейскую науку и просвѣщеніе, сухой, прямой, врагъ пышныхъ словъ и чрезмѣрной чувствительности, большой дѣлецъ, съ утра до поздняго вечера занятый и не только одной службой, но, что особенно ново и важно, и большимъ промышленнымъ дѣломъ, ведущій его при томъ умно, прибыльно и честно. Съ первой же встрѣчи дядя пробуетъ отрезвляюще повліять на лѣниваго и мечтательнаго племянника, но тщетно. Племянникъ кое—какъ относится къ службѣ мелкаго чиновника, пишетъ не дурные, но не первосортные стихи, набрасываетъ повѣсть, а дядя настойчиво совѣтуетъ ему усердно заняться дѣломъ и писать вмѣсто стиховъ объ улучшенномъ удобреніи земли и переводить съ нѣмецкаго языка полезныя статьи по сельскому хозяйству, а стихами и повѣстью племянника оклентъ перегородку.

Александръ мечтаетъ, влюбляется разъ, два, любовь ему измѣняется, онъ самъ охладѣваетъ, измѣняетъ и дружба.

Кромѣ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ тонкою кистью обрисованъ рядъ нѣжныхъ, милыхъ женскихъ лицъ. Романъ изобилуетъ также съ несравненнымъ мастерствомъ сочно написанными картинами будничной жизни, освѣщенными порой добродушной и насмѣшливой улыбкой.

Романъ заканчивается изображеніемъ превращенія мечтательнаго молодого Адуева въ усерднаго служаку, завоевавшаго себѣ личныя блага, богатую невѣсту и большое жалованье и совершенно разставшагося съ благородными мечтами, малѣйшую долю которыхъ у него не нашлось ни умѣнья, ни воли воплотить въ жизнь.

✓ Великій критикъ (цѣнитель и истолкователь литературныхъ произведеній) В. Г. Бѣлинскій призналъ «Обыкновенную исторію» однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы; къ особеннымъ достоинствамъ Гончарова, какъ писателя, онъ отнесъ и его языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся, указывая на изящность и тонкость его кисти, вѣрность рисунка, какъ на главную силу таланта. Къ особенностямъ таланта Гончарова онъ относилъ мастерство его рисовать женскіе характеры. «Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою другую и всѣ, какъ портреты, превосходны. Женщины Гончарова живыя, вѣрныя дѣйствительности созданія».

Въ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій писалъ, что „Обыкновенная исторія“ имѣла успѣхъ неслыханный! Всѣ мнѣнія сошлись въ его пользу. Читая его

думаешь, что не читаешь, а слушаешь изустный рассказъ. А какую пользу принесъ онъ обществу! Какой страшный ударъ нанесъ онъ мечтательности, провинціализму“.

Относительно содержательности этого самаго краткаго изъ другихъ романовъ Гончарова Бѣлинскій говорилъ, „что другому стало бы на десять повѣстей, то у него (Г.) укладывается въ одну раму“.

Теперь я приведу то толкованіе общественнаго смысла „Обыкновенной исторіи“, которое ей даетъ самъ И. А. Гончаровъ въ своей замѣчательной статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“.

Общественная прозорливость и глубина замысла, присущія Гончарову выразились и въ „Обыкновенной исторіи“ тѣмъ, что онъ въ ней первый отмѣтилъ новыя трудовыя вѣянія, первое еще слабое «мерцаніе необходимости труда, настоящаго живого дѣла въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоємъ. Это отразилось въ моемъ маленькомъ зеркалѣ—въ среднемъ чиновничьемъ кругу. „Дядя Адуевъ“ достигъ значительнаго положенія въ обществѣ, онъ—директоръ, тайный совѣтникъ и кромѣ того онъ сдѣлался заводчикомъ. Тогда отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ это была смѣлая новизна, чуть не униженіе. Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца—не было лестно.

Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ отразилась и тогдашняя, только что начавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ безплодной чрезмѣрной чувствительности, уродливаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, семейная и домашняя ложь напускныхъ чувствъ, пустая трата времени на визиты, ненужное гостепріимство и пр.

Словомъ вся праздная, мечтательная сторона старыхъ нравовъ съ обычными порывами юности къ высокому, съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ. Все это отживало, уходило; являлись слабые проблески новой зари, чего то трезваго, дѣловаго нужнаго“ и чему, очевидно, горячо сочувствовалъ самъ И. А. Гончаровъ.

Рѣдкій даръ способности И. А. Г.—а обобщать важныя явленія жизни выразился въ этомъ первомъ романѣ и въ изображеніи превращенія возвышеннаго мечтателя въ обыкновеннаго чиновника, стремящагося лишь къ личному своему благополучію. Такое превращеніе особенно въ рѣзкой формѣ наблюдается именно лишь въ нашей странѣ. Почти полное забвеніе чарующей мечты о царствѣ справедливости и всеобщемъ благоденствіи, увлекающей и даже опьяняющей наше юношество, при переходѣ его за порогъ высшей

школы, въ отвѣтственную самостоятельную жизнь и до нашихъ дней—слишкомъ обыкновенная исторія, (хотя и не безъ рѣдкихъ исключеній).

„Души высокихъ достойнй намъ сохранить не суждено“.

„Фрегатъ Паллада“.

Въ раннемъ дѣтствѣ восторженными разсказами любимого крестнаго Трегубова внушенная Гончарову мечта о морскихъ путешествіяхъ въ дѣйствительности осуществилась для него, когда ему было уже 40 лѣтъ.

Въ 1852 году онъ былъ командированъ для исправленія должности секретаря при адмиралѣ Путятинѣ во время экспедиціи къ русскимъ американскимъ владѣніямъ. О началѣ этого продолжительнаго путешествія, начавшагося 25 сентября 1852 г. и закончившагося только въ началѣ 1855 г., Гончаровъ пишетъ: „и привычнымъ людямъ казалось трудно такое плаваніе, а мнѣ новичку оно было еще невыносимо и потому, что у меня отъ осенняго холода возобновились жестокіе припадки, которыми я давно страдалъ, невралгіи съ головными и зубными болями. Въ каютѣ отъ вѣшняго воздуха съ дождемъ отчасти съ морозомъ—защищала одна рама. Я приходилъ въ отчаяніе. Какъ при этихъ боляхъ я выдержу двухъ или трехгодичное плаваніе. Я слегъ и утѣшалъ себя мыслію, что добравшись до Англіи вернусь на задъ. И къ этому еще туманы, качка, холодъ“.

Мало по малу однако И. А. привыкъ и выдержалъ плаваніе до конца.

Кромѣ служебныхъ секретарскихъ отчетовъ Гончаровъ писалъ печатавшіяся въ „Морскомъ Сборникѣ“ письма, въ которыхъ просто и для всякаго доступно разсказывалъ свои впечатлѣнія и наблюденія.

Впослѣдствіи изъ этихъ писемъ и составилось его двухтомное сочиненіе „Фрегатъ Паллада“.

Этотъ превосходный, рѣдкій образецъ описательнаго рода литературы, единственный по своему совершенству во всѣхъ европейскихъ литературахъ, изобилуетъ мѣстами, объясняющими намъ нѣкоторыя особенности души самаго автора, увлекавшагося красотами тропической природы лишь спокойно-торжественными.

Когда спутники его восхищались бурей и молніей, онъ на это замѣтилъ: Безобразіе, беспорядокъ! Море представляется ему слишкомъ тревожнымъ. Онъ любитъ другія картины: „родныя березы, спокойную гладь озера, дымъ

ную избушку на косогорѣ, а бурное море... Богъ съ нимъ! Горы и пропасти тоже мало его привлекаютъ. Онѣ созданы не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны. Обломовка милѣе, она—своя.“ Небо тамъ, кажется, напротивъ, ближе жметъ къ землѣ, но не съ тѣмъ чтобы метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только, чтобы обнять ее покрѣпче, съ любовью; оно распростерлось такъ надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобы уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ.

Солнце тамъ ярко и жарко свѣтитъ около полугода и потомъ удаляется оттуда не вдругъ, а точно нехотя, какъ будто оборачивается назадъ взглянуть еще разъ или два на любимое мѣсто и подарить ему осенью среди ненастья ясный и теплый день.

Горы тамъ, какъ будто модели тѣхъ страшныхъ, гдѣ то воздвигнутыхъ горъ, которыя ужасаютъ воображеніе. Это рядъ отлогихъ холмовъ, съ которыхъ пріятно кататься, рѣзвась на спинкѣ или сидя на нихъ, смотрѣть въ раздумьѣ на заходящее солнце.

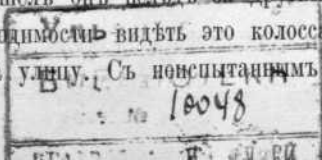
Рѣка бѣжитъ весело, шая и играя, она то разольется въ веселый прудъ, то стремится быстрой нитью, или прismsирѣть, будто задумавшись и чуть-чуть ползетъ по камешкамъ, выпуская изъ себя по сторонамъ рѣзвые ручьи, подъ журчанье которыхъ сладко дремлетъ.

Да, Богъ съ ними съ этими воплями природы, этими спящими силами ядовито издѣвающимися надъ гордой волей человѣка; картины родного Поволжья милѣе и ближе. Онѣ ласковѣ относятся къ человѣку, не раздражаютъ, не грозятъ ему ежеминутною гибелью, въ нихъ есть что-то даже материнское“.

Гдѣ бы ни былъ Гончаровъ, онъ не забывалъ близкаго сердцу родного уголка. Его характеръ требовалъ покоя, порядка.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Фрегатъ Паллады“ точно также вполне отчетливо отразилось его коренная склонность къ наблюденіямъ надъ жизнью большинства людей, толпы, вседневной будничной жизни человѣка.

Попавъ, напр., въ Лондонъ въ день пышныхъ похоронъ Веллингтона, взбудоражившихъ всю Англію, онъ нетерпѣливо ждалъ другого дня, когда Лондонъ заживетъ опять своею будничною жизнью. „Многіе обрадовались-бы видѣть такой необыкновенный случай, но мнѣ улыбался завтрашній, будничный день“. Равнодушно пошелъ онъ вслѣдъ за другими въ британскій музей по сознанію только необходимости видѣть это колоссальное собраніе рѣдкостей. И его тянуло все на улицу. Съ неосчитаннымъ наслажденіемъ я взгляды



вался во все (пишет Г.), заходилъ въ магазины, заглядывалъ въ дома, уходилъ въ предмѣстья, на рынки, смотрѣлъ на всю толпу и на каждаго встрѣчнаго отдѣльно. Чѣмъ смотрѣть на сфинксы да на обелиски, мнѣ лучше нравится простоять цѣлый часъ на перекресткѣ и смотрѣть, какъ встрѣтятся два англичанина, сначала попробуютъ оторвать другъ у друга руку, (такъ онъ выражается объ особенной манерѣ англичанъ сильно трясти руки при встрѣчномъ рукопожатіи) потомъ освѣдомляются взаимно о здоровьѣ и пожелаютъ одинъ другому всякаго благополучія; съ любопытствомъ смотрю, какъ столкнутся двѣ кухарки, съ корзинами на плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная, тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ, и какъ вся эта цѣпь мгновенно онѣмѣетъ, лишь только полицменъ (полицейскій) съ тротуара подниметъ руку. Въ тавернахъ, (трактирахъ) въ театрахъ вездѣ пристально смотрю, какъ и что дѣлаютъ, какъ веселятся, ѣдятъ, пьютъ“...

Съ замѣчательною проницательностью отмѣтилъ Гончаровъ необыкновенную жизненность японцевъ, ихъ богатая способности, живую впечатлительность, любознательность въ то время, когда они и не проявляли еще для другихъ наблюдателей надлежащихъ признаковъ жизни.

„Клики только кличъ и японцы толпой вырвутся изъ своей тюрьмы. Они общежительны, охотно увлекаются новизной. Сколько у нихъ веселости, игривости. Куча способностей, дарованій — все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержания, что всѣ собственныя силы перекипѣли, перегорѣли и требуютъ только новыхъ, освѣжительныхъ началъ. Они очень живы и натуральны; у нихъ мало такихъ нелѣпостей, какъ у китайцевъ; напримѣръ тяжелой, устарѣлой и ненужной учености, отъ которой люди только дурѣютъ. Напротивъ, они все вывѣдываютъ, обо всемъ спрашиваютъ и все записываютъ“.

Гончаровъ—цензоръ.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ кругосвѣтнаго плаванія И. А. Гончаровъ перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія на должность цензора (на котораго возлагаются обязанности слѣдить за печатными произведеніями съ тѣмъ чтобы въ нихъ не появлялось никакихъ „вредныхъ“, по мнѣнію высшаго начальства, мыслей).

Насколько осторожно и деликатно исполнялъ И. А. свои щекотливыя обязанности, видно изъ слѣдующей замѣтки одного изслѣдователя его цензор-

ской дѣятельности. „Иной разъ кажется, говорить этотъ изслѣдователь—что это пишеть (т. е. Гончаровъ) не цензоръ—каратель, отзывы котораго звучать суровымъ приговоромъ Торквемады (жесточайшаго изъ инквизиторовъ) цензурнаго вѣдомства, а благосклонный критикъ, заботящійся о чистотѣ и отдѣлкѣ литературнаго произведенія. Въ отчетахъ Г-а не могла не сказаться его крупная личность и на ряду съ Гончаровымъ цензоромъ чувствуется другой Гончаровъ—писатель и мыслитель“. Этотъ и подобные (напр. Никитенко) отзывы о Гончаровѣ, какъ цензорѣ даютъ намъ основаніе примѣнить и къ нему слѣдующій отрывокъ стихотворенія Тютчева, также бывшаго цензора:

....Велѣнью царскому покорны,
Стоя у мысли на часахъ,
Не очень были мы задорны,
Хотя и съ штуцеромъ въ рукахъ.
Мы имъ владѣли не охотно,
Грозили рѣдко и скорѣй
Не арестантскій, а почетный
Держали караулъ при ней.

„Обломовъ“.

И. А. Гончаровъ такъ опредѣлилъ отношеніе упомянутого нами перваго его романа „Обыкновенной Исторіи“ къ двумъ послѣдующимъ за нимъ „Обломову“, увидѣвшему свѣтъ въ 1858 году и „Обрыву“.

„Обыкновенная исторія“ въ моихъ книгахъ—первая галерея, служащая предверіемъ къ слѣдующимъ двумъ галереямъ или періодамъ русской жизни, уже тѣсно связаннымъ между собою т. е. къ „Обломову“ и „Обрыву“ или къ „Сну“ и къ „Пробужденію“.

Въ романѣ „Обломовъ“ названномъ по фамиліи его главнаго, дѣйствующаго лица Ильи Ильича Обломова, Гончаровъ съ безпримѣрною дотошнѣею глубиною замысла и никѣмъ не превзойденною доселѣ мощью художественнаго творчества отразилъ цѣлую полосу, періодъ русской жизни, названный имъ выше „Сномъ“.

Какой же волшебникъ на сказочно долгое время погрузилъ цѣлую великую страну въ сонъ? Этимъ злымъ волшебникомъ для Россіи было наше крѣпостное право, мертвящимъ застоємъ тяготѣвшее волею историческихъ судебъ надъ нами нѣсколько столѣтій.

„Обломовъ“ — величайшій образецъ общественнаго романа, въ которомъ Гончаровъ съ исчерпывающею полнотою, въ стройной системѣ художественныхъ картинъ и образовъ, съ почти научною обстоятельностью и убѣдительною объяснилъ, какъ одна изъ коренныхъ племенныхъ особенностей русскаго народа — вялость воли, слабая сравнительно наша производительность, не смотря на даровитость, подъ вліяніемъ долго господствовавшаго основнаго начала нашей государственной-общественной жизни, крѣпостнаго права, превратилась въ роковую общественную болѣзнь безволія, особенно поразившую привилегированный командующій классъ народа. (Глетворное вліяніе крѣпостнаго права, конечно, не ограничилось только высшимъ слоемъ народа, но вредно отозвалось на духовномъ и хозяйственномъ ростѣ и трудовыхъ народныхъ массъ).

Вотъ какъ въ началѣ романа описываетъ Гончаровъ наружность и обстановку своего героя.

„Это былъ человекъ лѣтъ тридцати двухъ—трехъ лѣтъ отъ роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темносѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи (мысли), всякой сосредоточенности въ чертахъ лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала въ глазахъ, садилась на полуотворенныя губы, пряталась въ складкахъ лба, потомъ совсѣмъ пропадала, и тогда во всемъ лицѣ теплился ровный свѣтъ безпечности“.

Комната, гдѣ лежалъ Илья Ильичъ, съ перваго взгляда казалась прекрасно убранною... Были тамъ шелковыя занавѣсы, ковры, нѣсколько картинъ, бронза, фарфоръ, и множество красивыхъ мелочей.

„По стѣнамъ, около картинъ лѣпилась въ видѣ фестоновъ паутина, напитанная пылью; зеркала, вмѣсто того, чтобы отражать предметы, могли бы скорѣе служить скрижалями для записыванія на нихъ, по пыли, какихъ нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ, на диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла неубранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солониной и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки... На этажеркахъ лежали двѣ—три развернутыя книги, на бюро стояла и чернильница съ перьями; но страницы, на которыхъ развернуты были книги покрылись пылью и пожелтели... а изъ чернильницы, если обмакнуть въ нее перо, вырвалась бы развѣ только съ жужжаньемъ, испуганная муха“.

Илья Ильичъ въ это утро очень озабоченъ сразу выпавшими на его голову двумя несчастьями: его приказчикъ въ послѣднемъ письмѣ доносить,

что „нынѣшній годъ пошлемъ доходцу, будетъ, батюшка ты нашъ, благодѣтель, тысячи яко двѣ поменѣ“, второе же еще больше огорчившее нашего героя несчастье заключалось въ томъ, что приходилось скоро переѣзжать на другую квартиру.

Вотъ какъ Гончаровъ выводитъ на сцену сословные взгляды Обломова въ разговорѣ съ его слугой Захаромъ, обмолвившимся въ спорахъ о переѣздѣ на квартиру замѣчаніемъ, что „другіе-де переѣзжаютъ“.

„Другой—говорить обиженный Илья Ильичъ въ поученіе Захару— есть голь окаинная, грубый, необразованный человѣкъ, живетъ грязно, бѣдно, на чердакѣ; онъ и выспится себѣ на войлокѣ гдѣ нибудь на дворѣ, что такому сдѣлается? Ничего. Трескается онъ картофель, да селедку. Нужда мечетъ его изъ угла въ уголь, онъ и бѣгаетъ день-деньской. Онъ, пожалуй, и переѣдетъ на другую квартиру. Вонъ Лягаевъ возьметъ линейку подъ мышку, да двѣ рубашки въ носовой платокъ и идетъ. „Куда, молъ, ты? „Другой“ .работаетъ безъ устали, бѣгаетъ, суетится, не поработаетъ, такъ и не поѣстъ, другой кланяется, проситъ, унижается. А я? Ну-ка рѣши: какъ ты думаешь „другой“, я—а?... Да развѣ я мечусь, развѣ я работаю? Мало ѣмъ что-ли? Худоцавъ, или жалокъ на видѣ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего нибудь? Кажется подать, сдѣлать есть кому? Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану-ли я беспокоиться? Изъ чего мнѣ? И кому я это говорю? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что ни холода, ни голода ни когда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ“.

Посмотримъ, въ какихъ условіяхъ выросъ Илья Ильичъ.

„Захаръ, какъ, бывало, нянька,—натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа то ту, то другую ногу. Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобы не слишкомъ беспокоить его и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши, умыться и т. д.

Захочетъ ли чего—нибудъ Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть, ужъ трое—четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе, уронить ли онъ что нибудь, достать ли вещь да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ—ему иногда, какъ рѣзвому мальчику такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ: За чѣмъ? куда? А Васька, а Ванька а Захарка на что?

Подчасъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжить ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ велѣдъ ему раздается десять отчаянныхъ голосовъ: ахъ! ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется! стой, стой! Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку, — опять крики: ай куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься. . . . И Илюша съ печалью оставался дома лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая“.

Естественнымъ слѣдствіемъ такого воспитанія и подобной же дальнѣйшей помѣщичьей жизни въ условіяхъ тогдашняго крѣпостного права и случилось то, что Обломовъ въ 30 только лѣтъ оказался не только не способнымъ ни къ какому труду, но уже и къ наслажденіямъ какими бы то ни было благами общественной жизни, сталъ внутренно живымъ мертвецомъ.

Между тѣмъ, благодаря хорошему образованію, природнымъ способностямъ и добротѣ, онъ когда то искренно готовился послужить общему благу, ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ онъ „жаждалъ доблести, дѣятельности. . . не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. . . горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества“.

Въ спорѣ съ знакомымъ писателемъ Пенкинымъ Обломовъ говоритъ: „...изобрази вора, падшую женщину, надутаго глупца, да и человѣка тутъ же не забудь. Гдѣ же человѣчность то? Вы одной головой хотите писать! Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобы поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ самимъ собой, — тогда я стану васъ читать, преклоню передъ вами голову“ . . .

Его рѣдкую душевную красоту такъ описываетъ Гончаровъ словами его друга Штольца:

„Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото, онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи, не обольститъ его ни какая нарядная ложь и ничто не совлечетъ на фальшивый путь, пусть волнуется около него цѣлый океанъ драни, зла; пусть весь міръ отра-

вится ядомъ и поидеть на выворотъ, никогда Обломовъ не поклонится идолю жи; въ душѣ его будетъ всегда чисто, свѣтло, честно... это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупить ничѣмъ, на него всюду и вездѣ можно положиться“.

Тщетно пытался спасти опасно уже опустившагося отъ празднои жизни Обломова другъ его дѣтства Штольцъ своими совѣтами и вліяніемъ. Не могла Обломову воспрянуть къ дѣятельной жизни и любовь къ нему прекрасной дѣвушки Ольги, съ которой, въ надеждѣ благотѣльнаго на него вліянія, познакомилъ Обломова Штольцъ.

Ольга наиболѣе содержательный, свѣтлый и живой человѣкъ изъ всего ряда положительныхъ характеровъ, созданныхъ Гончаровымъ. Она является въ нашей литературѣ также одною изъ самыхъ первыхъ представительницъ періода пробужденія, новыхъ людей, новой Россіи.

Съ красотою чистой, женской души, съ женственной мягкостью и нѣжностью, яркостью чувства она соединяетъ въ себѣ живой, ищущій новыхъ путей умъ, твердую, нетерпящую застоя волю; она женщина—человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ, женщина—гражданка, стремящаяся дѣятельно содѣйствовать общему благу, предъявляющая права на сознательное участіе во всемъ, чѣмъ жива не только семья, но чѣмъ живетъ и движется народъ, человѣчество.

И такая дѣвушка полюбила первую, непорочно любовною чистаго, какъ голубь, но утратившаго волю къ дѣлу и волю къ жизни Обломова, отвѣтившаго ей взаимностью.

Однако у Обломова не хватило рѣшимости, при сознаніи своего безволія, соединить свою судьбу съ нею, но оказалось достаточно ума и порядочности, чтобы отказаться отъ брака съ нею.

И онъ пишетъ Ольгѣ письмо, искренно и обстоятельно объясняя ей, что онъ для нея не пара. „Мнѣ съ самого начала слѣдовало бы строго сказать вамъ: вы ошиблись, передъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали. Погодите, онъ придетъ, и тогда вы оцнетесь, вамъ будетъ досадно и стыдно за свою ошибку—мнѣ къ лицу покой, хотя скучный, сонный, а съ бурями я не управлюсь“. „Письмо кончается такъ: „Прощайте, ангелъ, улетайте скорѣе, какъ испуганная птичка улетаешь съ вѣтки, гдѣ съѣла ошибкой, такъ же легко, бодро и весело, какъ она, съ той вѣтки, на которую села невзначай“.

Какъ ни тяжелы были страданія, причиненныя Ольгѣ такимъ письмомъ, но любовь ея была такъ горяча, что она всетаки возобновила знакомство

съ Обломовымъ, надѣясь на дальнѣйшее развитіе ихъ взаимныхъ чувствъ и возможность ихъ семейнаго счастья.

Но въ концѣ концовъ она убѣдилась, что Обломовъ былъ правъ, уклоняясь отъ брака съ ней.

Приведемъ конецъ трогательной сцены ея разставанія съ Обломовымъ.

„Я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указывалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова. Ты кротокъ, честенъ Илья; ты нѣженъ.... голубь; ты прячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше, ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей.... да я не такая... А нѣжность.... гдѣ ея нѣтъ?

Отчего погибло все?.... Кто проклялъ тебя Илья? Что ты сдѣлалъ? Ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу“....

„Есть....—Обломовщина! прощенталь онъ“....

Обломовъ разстался съ Ольгой навсегда и сонно скороталъ свой недолгій вѣкъ, не дѣлая уже никакихъ попытокъ къ дѣятельной жизни, подъ крыломъ недалекой, немудреной, простой, но чудесной, честной, любящей его женщины, царицы домашняго хозяйства и очага, Агафьи Матвѣевны Пшеницыной, ставшей его женой.

Ольга вышла замужъ за Штольца представителя труда, знанія, силы (о которомъ нѣсколько словъ скажемъ ниже).

Обломовъ умеръ внезапно, отъ удара (кровонизліянія въ мозгъ). Жена застала его также кротко покоящагося на одрѣ смерти, какъ на ложѣ сна. „Что же стало съ Обломовымъ гдѣ онъ? гдѣ? На ближайшемъ кладбищѣ, подъ скромной урной, поконится тѣло его между кустовъ, въ затишьѣ. Вѣтки сирени, посаженные дружеской рукой, дремлютъ надъ могилой, да безмятежно пахнутъ полынью: Кажется, самъ ангелъ тишины охраняетъ сонъ его“.

Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ замѣчательной статьи Н. А. Добролюбова, посвященной разбору „Обломова“, озаглавленной „что такое обломовщина“.

„Тайна усиѣха Обломова заключается сколько непосредственно въ силѣ художественнаго таланта автора, столь же и въ необыкновенномъ богатствѣ содержанія романа.... Талантъ его не податливъ на впечатлѣнія. Онъ не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ ими, остановится, будетъ долго всматриваться и вслушиваться....

задумается. Но вотъ онъ начинаетъ чертить что-то. Вы холодно всматриваетесь въ неясныя черты. Вотъ онѣ отдѣляются яснѣе, прекраснѣе... и вдругъ неизвѣстно какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаютъ передъ вами и роза и соловей, со всей своей прелестью и обаяньемъ... Вамъ рисуется не только ихъ образъ, вамъ чутся ароматы розы, слышатся соловьиные звуки... Въ умѣннѣ охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его—сильнѣйшая сторона таланта Гончарова. И ею онъ превосходитъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей. Мелкія подробности, непрерывно вносимыя авторомъ и рисуемыя имъ съ любовью и съ необыкновеннымъ мастерствомъ производятъ какое-то обаяніе. Вы совершенно переноситесь въ тотъ міръ, въ который ведетъ васъ авторъ; вы находите въ немъ что-то родное, передъ вами открывается не только внѣшняя форма, но и самая внутренность, душа каждаго предмета.....

Исторія о томъ, какъ лежитъ и спитъ добрякъ—лѣннвецъ Обломовъ и какъ ни дружба, ни любовь не могутъ пробудить и поднять его, не Богъ вѣсть какая важная исторія.

Но въ ней отразилась русская жизнь, въ ней предстаетъ передъ нами живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадною строгостью и правильностью; въ ней сказалось новое слово нашего общественнаго развитія, произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины. Слово это—обломовщина; оно служитъ ключемъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни и оно придаетъ роману Гончарова гораздо болѣе общественнаго значенія, нежели сколько имѣютъ его всѣ наши обличительныя повѣсти... мы находимъ въ немъ произведеніе русской жизни, знамени времени.

Въ силу обломовщины обломовскій чиновникъ не стаетъ ходить на должность, если ему и безъ того сохранять его жалованье и будутъ производить въ чины. Воннъ дать клятву не прикасаться къ оружію, если ему предлагать тѣже условія, да еще сохранять его красивую форму. Профессоръ перестанетъ читать лекціи, студентъ перестанетъ учиться—если найдетъ возможнымъ даромъ получать все, что теперь добывается трудомъ.

Теперь загадка многихъ явленій нашей жизни разъяснилась—слово найдено. Слово это—обломовщина.

Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности—я уже съ первыхъ словъ узнаю, что это Обломовъ. Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ

и смѣлая разсужденія о бесполезности тихаго шага, я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что наконецъ сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали,—я думаю, что все это пишутъ изъ Обломовки.

Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіи многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ рассказывающихъ все тѣже самыя (а иногда и новыя) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода—я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку.

Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствованіи и скажите: „вы говорите, что не хорошо то и то; что-же нужно дѣлать? Они не знаютъ...“

Предложите имъ самое простое средство,—они скажутъ: да какъ-же это вдругъ? Продолжайте разговоръ съ ними и спросите, что-же намѣрены дѣлать? Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, что Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ, что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать? Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами... и пр. Больше отъ нихъ ничего не дождетесь; потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы—наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ вашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова и еще рано писать намъ надгробное слово“.

Врагами обломовщины, этого (по живописному выраженію Айхенвальда) мертваго озера жизни, зла безсилія, беспомощности и равнодушія, уложившаго русскихъ людей въ широкій гробъ соннаго прозябанія выставлены въ романѣ „Обломовъ“ Ольга и неутомимый, бодрый, умный и честный дѣлецъ Штольцъ, представитель труда, знанія и силы.

Штольцъ, родившійся и выросшій въ Россіи, иѣмецъ по отцу и русскій по матери, строго воспитанный суровымъ отцомъ въ твердыхъ правилахъ жизни, съ дѣтскихъ лѣтъ приученный къ упорному труду и порядку, къ самостоятельности, рано юношей вставшій на собственныя ноги, закалившій свою волю въ борьбѣ съ нуждою, въ тоже время отъ матери унаслѣдовавъ доброе сердце и получилъ вкусъ къ нѣкоторымъ утонченнымъ благамъ жизни, къ искусству. Самостоятельная съ образовательною цѣлью путешествія по передовымъ странамъ Европы еще болѣе укрѣпили въ немъ привычку и

любовь къ трудовой жизни, къ порядку и благообразію жизни, научивъ въ тоже время его многому полезному, дѣловому, чѣмъ и до сихъ такъ бѣдна еще русская жизнь.

Показавши въ Обломовѣ пагубное вліяніе на нашу жизнь расслабляющаго, слишкомъ изнѣженнаго воспитанія, наслѣдственной лѣни и привычной праздности, тѣмъ самымъ опредѣливъ съ разительною наглядностью нашу общественную болѣзнь,—Гончаровъ въ лицѣ бодрого, просвѣщеннаго, неутомимаго работника Штольца указалъ русскому обществу на самое дѣйствительное, важнѣйшее врачующее средство противъ общественного недуга съ его многочисленными послѣдствіями (бѣдностью, невѣжествомъ)—на производительный, общественно полезный трудъ, оплодотворенный наукой и практикой передовыхъ народовъ, могущій дать необходимую работу народнымъ массамъ.

Такимъ образомъ, Гончаровъ первый намѣчалъ громадную важность едва зарождавшагося средняго класса, способнаго безъ хищническихъ побужденій расширить тѣсныя рамки народнаго труда, и тѣмъ самымъ способнаго поднять весьма низкій уровень хозяйственнаго состоянія народа и малую производительность народнаго труда.—И въ наше время несмотря на цѣлый, прошедшій рядъ крупныхъ и благотѣльных преобразованій Александра II, на успѣхи народнаго просвѣщенія, на самостоятельность нашихъ земствъ и городовъ и до сихъ поръ далеко еще не замерли тлетворные корни обломовщины въ русской душѣ.

Еще и до сихъ поръ въ огромномъ нашемъ большинствѣ мы трудимся и живемъ „кое—какъ“, да „какъ—нибудь“, поступаемъ „на авось, да небось“, вмѣсто того, чтобы обдуманно, бодро, настойчиво, планомерно и дружно дѣйствовать для всесторонняго, настоятельно необходимаго усовершенствованія народнаго труда и всей нашей жизни—усовершенствованія, идущаго вяло и черепашинымъ ходомъ.

„О б р ы в ъ“.

Черезъ десять лѣтъ послѣ „Обломова“ появился въ печати въ 1868 г. третій, послѣдній и самый большой романъ Гончарова „Обрывъ“, въ которомъ онъ съ обычнымъ мастерствомъ, глубиною мысли и полнотою образовъ изобразилъ знаменательную полосу „пробужденія“ Россіи отъ вѣковаго крѣпостного сна, давно уже подготавливавшагося въ умахъ русскаго общества лучшими нашими писателями и самимъ Гончаровымъ,—пробужденія, начавшагося обнаруживаться и въ самой жизни съ воцаренія Императора Алексан-

дра II и ясно и безповоротно обозначившагося съ паденія крѣпостного права по мановенію мощной руки этого Царя—Освободителя, когда „всемогущее быть по сему“ указало куда идти всѣмъ дружно на свѣтъ, къ новымъ и разумнымъ благамъ“.

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы можемъ лишь слегка коснуться и только главныхъ дѣйствующихъ лицъ, неподражаемо изображенныхъ въ этой громадной и драгоценной картинѣ опытнымъ роскошнымъ перомъ нашего писателя, собиравшаго матеріалъ для этого романа, обдумывавшаго и обрабатывающаго его почти 20 лѣтъ.

„Райскій и Бабушка“ главные лица романа явились у меня въ головѣ еще въ 1849 г. пишетъ И. А. Г-въ „какъ только я пріѣхалъ на Волгу, на меня какъ будто сонъ слетѣлъ весь планъ романа“. Въ Райскаго входили и многія типическія (существенныя) черты моихъ знакомыхъ и товарищей. Въ обществѣ, въ образованной средѣ побѣги новыхъ свѣжихъ стремленій мѣшались и путались еще съ терніями и волчцами обломовщины разнаго рода и вольной и невольной, съ разными приманками празднаго житья—бытья и съ трудностями борьбы со старымъ; застой, служба, захватывающая годныхъ и негодныхъ и распложившая бюрократію (чиновничество) все еще густыми тучами лежали на горизонтѣ общественной жизни; группа новыхъ людей стремилась къ ихъ разсѣянію“.

Райскій (въ которомъ писатель отразилъ многіе свои личные взгляды), терой переходнаго времени. Это „проснувшійся Обломовъ: сильный—новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь вкругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель. Онъ умомъ и совѣстью принялъ новыя животворныя начала жизни, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло“.

Райскій, художникъ въ душѣ, съ богатыми задатками дарованій, мечется туда и сюда: онъ то начнетъ писать картину, то повѣсть, то лѣпить статую. Но вездѣ, „какъ гири на ногахъ его тянетъ назадъ обломовщина“.

„Новыя идеи кипятъ въ немъ: онъ предчувствуетъ грядущія реформы, сознаетъ правду новаго и порывается ратовать за всѣ тѣ большія и малыя свободы, приближеніе конхъ чувствовалось въ воздухѣ. Но только порывается. Онъ если не спитъ по обломовски, то едва лишь проснулся и пока знаетъ что дѣлать, но не дѣлаетъ... Совѣтуетъ бабушкѣ отпустить мужиковъ на всѣ четыре стороны и предоставить имъ дѣлать что они хотятъ; а самъ въ въ дѣло не вмѣшивается, хотя имѣніе его.“

Это колебаніе и нерѣшительность весьма естественны: колебалось все общество русское и всякій его уголокъ. Крупные и крутые повороты не могутъ совершаться какъ перемѣна платья, они совершаются постепенно, пока всѣ атомы (частички) броженія не осилить сильные слабыхъ и не сольются въ одно.

Мелкая печать смѣялась надъ этой постепенностью и насмѣшливо прозвала постепеновцами всѣхъ партизановъ (приверженцевъ) этого мудраго закона, дающаго старому отживать свою пору безъ насилія, боя и крови“.

Райскій многое начинаетъ, ничего не кончаетъ, часто влюбляется, а иногда воспаляется высокими помыслами, горитъ порою желаніемъ содѣйствовать просвѣщенію и благу народа, краснорѣчиво и горячо проповѣдуетъ при случаѣ освободительныя мысли. Онъ уменъ, даровитъ, образованъ, честенъ, щедръ и не смотря на унаслѣдованныя блага жизни и личныя дары оказался почти „лишнимъ человѣкомъ“, однимъ изъ многихъ родныхъ братцевъ и сыновей Ильи Ильича Обломова.

Суждены имъ благіе порывы,

Да свершить ничего не дано!

Двоюродная сестра Райскаго Вѣра; одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и значительныхъ женскихъ образовъ, украшающихъ русскую литературу. Она является какъ бы духовною дочерью Ольги изъ „Обломова“, но уже съ душою болѣе выросшею, сложною, болѣе содержательною, замкнутою для постороннихъ, но преисполненною любви, съ такимъ же пытливымъ, жаждущимъ познаній умомъ и съ еще болѣе сильно выраженнымъ стремленіемъ къ самостоятельной жизни.

„Она не хотѣла жить слѣпо, по указкѣ старшихъ, искала свѣжей осмысленной жизни, хотѣла найти и принять новую правду“.

Она познакомилась съ жившимъ около подгороднаго ихъ имѣнія, молодымъ человѣкомъ, состоявшимъ подъ надзоромъ полиціи, Маркомъ Волоховымъ, беспощаднымъ, неразборчивымъ отрицателемъ рѣшительно всего стараго, безцеремонно нарушавшимъ всѣ установившіяся правила приличнаго поведенія, горделиво называвшимъ себя „грядущей новой силой“ и смѣло проповѣдывавшимъ будто бы новую правду.

Почуявъ въ немъ „какую то силу смѣлость, огонь“, Вѣра полюбила Волохова, и даже на минуту, въ пылу увлеченія, отдалась ему. Но тотчасъ послѣ паденія разошлась съ нимъ, вслѣдствіе глубокаго различія между ними.

Вѣра и безъ Волохова знала недуги старой жизни и ей нужно знать

въ чемъ именно исцѣленіе отъ нихъ. А онъ „показываетъ ей только рядъ могилъ, готовыхъ поглотить все, чѣмъ жило общество до сихъ поръ. Онъ во имя истины развѣчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ, отнявъ у него другую, неживотную сторону. Въ чувствахъ видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій“.

„Живите вашей жизнью Маркъ „говоритъ Вѣра, прощаясь съ Волоховымъ—я не могу... у нея нѣтъ корня... „Ваши корни подгнили давно Вѣра—отвѣчаетъ Маркъ.“ Что дѣлать, Боже мой! восклицаетъ она въ отчаяніи. Онъ не вѣритъ, не идетъ! Какъ вразумить васъ“.

„Правда и свѣтъ, сказалъ онъ, думала она идучи, гдѣ же вы? Тамъ ли гдѣ онъ говоритъ? Или правда здѣсь“? говорила она, подходя къ часовнѣ, въ которой была древняя икона Спасителя съ добрыми и строгими очами. „Ужели онъ не пойметъ и никогда не воротится—ни сюда къ этой вѣчной правдѣ... ни ко мнѣ: къ правдѣ моей любви“.

„Эта сцена поднимаетъ читателя (пишетъ Мережковский) на такую высоту съ которой невольно начинаешь смотрѣть на Вѣру, какъ на воплощеніе души человѣка. „Вѣдь и она, какъ Вѣра. стоитъ въ нерѣшимости и скорби между двумя безднами. Куда идти? Маркъ велитъ разрушить наукой и разумомъ божественныя вѣрованія сердца и за нихъ обѣщаетъ великое счастье на землѣ. А добрый, таинственный взоръ Спасителя зоветъ къ себѣ, къ вѣчному, неземному, къ небесной любви“.

Гончарова упрекали и упрекаютъ многіе и теперь за то, что будто бы онъ преднамѣренно уродливо изобразилъ Волохова и тѣмъ нарушилъ требованія художественной правды, повинуясь какъ-бы своему враждебному отношенію къ „новымъ людям“.

Мы глубоко не согласны съ такимъ взглядомъ и думаемъ, что какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ Гончаровъ оставался вѣренъ правдѣ жизни. На ряду съ нѣкоторыми привлекательными чертами (искренностью, смѣлостью) онъ приписалъ Волохову также и опасную для сильныхъ характеровъ умственную односторонность (ограниченность), крайнюю неразборчивость въ средствахъ, грубую неряшливость въ отношеніи къ людямъ, и черствость, граничащую съ жестокостью.

Развѣ въ послѣдніе годы русской жизни мы мало содрогались отъ ужасныхъ подвиговъ нѣкоторой части той „новой грядущей силы“, предшественниками которой (правда тогда еще очень немногочисленными) и были Марки Волоховы, съ обычной проницательностью угаданные Гончаровымъ.

Дѣло въ томъ, что Маркъ Волоховъ представлялъ лишь самый крайній, частный видъ самыхъ безпощадныхъ и послѣдовательныхъ отрицателей, небольшую тогда часть далеко не во всѣхъ отношеніяхъ и не вполне однороднаго тогдашняго молодого поколѣнія русскихъ людей. (Поэтому-то и Тургеневъ и Чернышевскій и Лѣсковъ и Писемскій и Островскій и другіе изображали представителей „молодого поколѣнія“ каждый по своему.

Вотъ что писалъ самъ Гончаровъ по поводу упрековъ относительно такого изображенія Волохова.

„Волоховъ—будто бы новое поколѣніе“!

То поколѣніе, которое бросилось на встрѣчу реформъ (преобразованій Александра II-го) и туда уложило всѣ силы. Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творить во всѣхъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новыя пути, выдвигая новыя силы. Нѣтъ это не Волоховъ, а представители новой „правды“, воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество. (И въ „Обрывѣ“ въ блѣдноватой фигурѣ Тушина, Гончаровъ сдѣлалъ намекъ „на настоящее новое поколѣніе, на лучшее его большинство“).

Послѣ этого отступленія скажемъ нѣсколько словъ о сестрѣ Вѣры, Марейникѣ; „что за нѣжное, неуловимое созданіе, думаетъ Райскій про Вѣру, какая противоположность съ сестрой: та лучъ, тепло и свѣтъ; эта вся—мерцаніе и тайна, какъ ночь, полная мглы и искръ, прелести и чудесъ“.

Прелестный образъ Марейники—прекрасное и нѣжное отраженіе того, что было хорошаго въ старой дворянской жизни. Она живетъ въ родной обстановкѣ, какъ рыба въ водѣ, птица въ воздухѣ. „Чего не знаешь,—признается она, такъ и не хочется. Вотъ Вѣрочка, той все скучно; она часто груститъ... Ей бы надо куда-нибудь уѣхать, она не здѣшняя. А я—ахъ какъ мнѣ здѣсь хорошо: въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышется легко! Какъ весело, когда съѣдутся знакомые! Нѣтъ, нѣтъ, я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки!“ Она къ слѣпому старику носитъ чего нибудь лакомаго поѣсть или даетъ немного денегъ. Знаетъ всѣхъ бабъ, даже ребятишекъ по именамъ, покупаетъ башмаки, шьетъ рубашенки. Она любитъ дѣтей и природу, животныхъ, деревья, цвѣты.

Закончимъ затянувшійся разборъ „Обрыва“ коротенькими выдержками изъ романа относящимися къ Бабушкѣ, одному изъ лучшихъ образовъ всей нашей родной литературы.

„Бабушка говорить языкомъ преданій, сыплеть пословицы, готовые сентенціи, (поучительныя изрѣченія) старой мудрости; но въ новыхъ какихъ-нибудь, неожиданныхъ для нея случаяхъ, у ней выступали собственныя силы и она дѣйствовала своеобразно. Сквозь обветшалую, негодную мудрость, у ней пробивалась струя здраваго смысла.

„Видно, что ей живется крѣпко, хорошо; что если она и борется, то не даетъ одолѣвать себя жизни; а сама одолѣваетъ жизнь и тратитъ силы въ этой борьбѣ скупно. Блещущій здоровьемъ и добротой взглядъ озаряетъ все лицо, не только лицо, всю ея фигуру. Она была въ мѣру строга; въ мѣру снисходительна, человеколюбива, но все въ размѣрѣ барскихъ понятій. И всѣхъ и все въ домѣ она блюдетъ зоркимъ окомъ, и видитъ изъ одного окна свою деревню, изъ другого садъ, огородъ и людскія. Ничто не шевельнется въ деревнѣ и домѣ безъ ея спроса, воли и вѣдома. Она хозяйничаетъ въ полѣ и въ кладовыхъ; съ мужиками и цѣлымъ городомъ она держать себя гордо и повелительно.

„Я писалъ Бабушку—говоритъ Гончаровъ—съ русской старой хорошей женщины—и когда я уже закончилъ фигуру, оглядѣлъ ее—у меня, въ концѣ книги, вывалились послѣднія слова, которыми я и кончилъ романъ. Вотъ они.

„За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали къ себѣ его три фигуры: его Вѣра, его Марѣинька и Бабушка, а за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполнская фигура, другая великая бабушка — Россія!“.

Въ „Обрывѣ“, (особенно въ рѣчахъ и размышленіяхъ Райскаго) Гончаровъ съ полнотою и ясностью раскрылъ свои основныя общественныя взгляды и настроенія. Будучи горячимъ сторонникомъ постепеннаго, обдуманнаго, безостановочнаго усовершенствованія всѣхъ сторонъ жизни, онъ считалъ пагубнымъ слѣное презрѣніе ко всему прошлому, мѣшающее отличать старое зло отъ стараго добра, жизненнаго и здороваго.

Горячо сочувствуя широкимъ преобразованіямъ Александра II и всестороннему, постепенному обновленію русской жизни, онъ съ наглядностью показалъ, что не все старое дурно и не все новое хорошо, что изъ новаго слѣдуетъ усвоить лишь дѣйствительно плодотворное, способное вести насъ не къ бесплодной тратѣ силъ и напраснымъ страданіямъ, не къ оскуднѣнію и распаду духовной и общественной жизни, а къ ея возможному обогащенію, наиболѣе прочному, наилучшему всестороннему устроенію.

Послѣдніе годы жизни.

Кромѣ указанныхъ выше главнѣйшихъ сочиненій, И. А. Гончаровымъ написаны были еще слѣдующія статьи и очерки: „Милліонъ терзаній“, „На родинѣ“, „Воспоминанія“. „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, Литературный вечеръ, „Слути“.

Передавъ по возможности въ этомъ краткомъ очеркѣ основное содержаніе главнѣйшихъ произведеній Гончарова, мы тѣмъ самымъ познакомили съ его богатымъ внутреннимъ опытомъ, его личными взглядами, содержаніемъ и тономъ его личныхъ переживаній и чувствованій и намъ остается немного досказать о небогатой событіями его внѣшней жизни.

Прослуживъ послѣ возвращенія изъ кругосвѣтнаго плаванія съ 1857 г. въ министерствѣ народнаго просвѣщенія сначала цензоромъ а потомъ членомъ совѣта 16 лѣтъ, въ 1873 году онъ съ генеральскимъ чиномъ и порядочной пенсіей вышелъ въ отставку.

Служебный свой долгъ И. А. Гончаровъ исполнялъ всегда съ строгою аккуратностью и безукоризненною честностью, ведя всегда скромный, правильный образъ жизни. Не обзаведшись своей семьей, онъ очень любилъ своихъ родныхъ сестеръ и вообще своимъ родственникамъ всегда помогалъ, чѣмъ могъ.

Выйдя въ отставку, онъ часто прихварывалъ и писалъ Писемскому: „Я давно на тотъ свѣтъ хочу.... я лежу въ углу, какъ звѣрь, въ дурную погоду страдаю бессоницей, приливами крови къ головѣ, и во всякую другую вообще—хандрою и старостью“.

Нелюбимость и даже нѣкоторыя странности въ характерѣ И. А. больше всего объясняются его все возрастающею съ годами болѣзненностью, о которой онъ одному изъ близкихъ знакомыхъ писалъ такъ: „не браните меня за бирючий образъ жизни,—это отъ болѣзни или вѣтрице отъ болѣзней. Съ ними ладить не подѣ лѣта и не подѣ силу. Ложась спать, я никогда не знаю когда засну: въ 2, 3 или 5 часовъ, чаще всего засыпаю подѣ утро“.

Въ отставку онъ, за временными выѣздами за—границу, жилъ въ Петербургѣ до самой своей кончины, происшедшей на 80 году жизни, 15-го сентября, 1891 года. Въ объявленіяхъ о смерти его было кратко сказано, что онъ скончался послѣ непродолжительной болѣзни.

Значеніе И. А. Гончарова.

Заканчивая нашъ очеркъ оцѣнкой Гончарова, какъ писателя, мы по существу не много прибавимъ къ слѣдующей сжатой и богатой смысломъ оцѣнкѣ Гончарова, такъ мѣтко сдѣланной болѣе полувѣка тому назадъ Н. А. Добролюбовымъ.

„Въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ отражаются и по волѣ его останавливаются, застываютъ въ твердыя формы всѣ явленія жизни, во всякую данную минуту. Онъ можетъ, кажется, остановить самую жизнь, навсегда укрѣпить и поставить передъ нами самый неуловимый мигъ ея, чтобы вѣчно на него смотрѣли, наслаждаясь и поучаясь“.

Такая оцѣнка Гончарова безъ ущерба выдержала уже полувѣковое испытаніе и мы глубоко убѣждены, что пока звучитъ русская рѣчь, пока стоитъ наша родина—мать, Россія, мы вѣчно будемъ наслаждаться и поучаться, питаясь и освѣжаясь цѣлбнымъ, живительнымъ, кристалльнымъ родникомъ несравненно прекрасныхъ и глубоко поучительныхъ сочиненій И. А. Гончарова.

Укажемъ на отзывы о Гончаровѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей.

По мнѣнію Е. Ляцкого, изученіе произведеній Гончарова „приводитъ къ открытію все новыхъ красотъ, раскрываетъ новыя возможности истолкованія очаровательнѣйшихъ тайнъ искусства, столь щедро разсыпанныхъ въ въ этомъ удивительномъ дарованіи“.

По словамъ Айхенвальда „Гончаровъ мирный и уравновѣшенный, слегка насмѣшливый, остроумный и добрый, точно Гораций съ Поволжья всѣмъ доступенъ, никого не подавляетъ, никого не гонитъ отъ себя“.

„По изумительной трезвости взгляда на міръ,—говоритъ замѣчательный истолкователь Толстого и Достоевскаго, Д. Мережковский,—Гончаровъ, приближается къ Пушкину. Тургеневъ опьяненъ красотой, Достоевскій—страданіями людей, Левъ Толстой—жаждой истины и всѣ они созерцаютъ жизнь съ особенной точки зрѣнія. Дѣйствительность немного искажается, какъ очертанія предметовъ на взволнованной поверхности воды.“

У Гончарова нѣтъ опьяненія. Въ его душѣ жизнь рисуется невозможно—ясно, какъ мельчайшія былинки и далекія звѣзды отражаются въ лѣсномъ глубокомъ родникѣ, защищенномъ отъ вѣтра. Трезвость, простота и здоровье могучаго таланта имѣютъ въ себѣ что то освѣжающее. Какъ бы ни были прекрасны созданія другихъ современныхъ писателей, въ

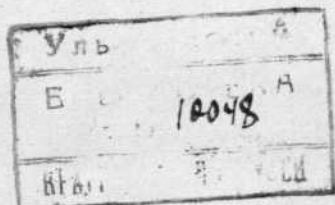
нихъ почти всегда есть какой-нибудь темный уголокъ, откуда вѣтъ на читателя холодомъ и ужасомъ. Такихъ страшныхъ угловъ нѣтъ у Гончарова. Все огромное зданіе его эпопей („Обыкновенная исторія“, „Обломовъ“, „Обрывъ“) озарено ровнымъ свѣтомъ любви къ человѣческой жизни.

По нашему мнѣнію, въ Гончаровѣ благодатно слиты воедино великій художникъ, искуснѣйшій мастеръ слова съ глубокимъ изслѣдователемъ и учителемъ жизни, мудрымъ проповѣдникомъ.

Не сухими, холодными поученіями, а дивными картинами и образами неувядаемой красоты онъ неотразимо навѣваетъ на душу читателей обаяніе душевной чистоты, чувства добра; внушаетъ примирительное сознаніе необходимости сочетанія стараго, здороваго, жизненнаго добра съ новымъ, плодотворнымъ,—бодрю въру въ постепенное и всестороннее усовершенствованіе горячо имъ любимой родины—матери путемъ образованія, настойчиваго труда и разумной, просвѣщенной свободы.

Сочиненія И. А. Гончарова, по ихъ высокому воспитательному значенію, принадлежать къ тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ сокровищамъ нашей великой литературы, которыя должно считать нашимъ роднымъ, русскимъ священнымъ писаніемъ, просвѣщающимъ насъ свѣтомъ истины, добра и красоты.

К О Н Е Ц Ъ.



н 768/349.

168.

к 9

Продается въ книжныхъ магазинахъ Симбирска, Казани,
Москвы и Петербурга.